

УДК 1(091)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ А. ДАНТО¹

А.А. Аванесян

ФКУ Научно-исследовательский институт информационных технологий
Федеральной службы исполнения наказаний, России, г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.204

В статье исследуется специфика аналитической концепции философии истории А. Данто. Проанализированы характерные черты, которые отличают предложенную нарративную модель исторического познания. Особое внимание уделяется подходу американского философа к рассмотрению взаимосвязи между опытом восприятия явлений действительности и языком как средством реализации познания. В заключение подчеркивается влияние исследуемой теории на развитие представления об историческом опыте как особом способе постижения прошлого, в свете которого проявляется своеобразие исторического познания.

Ключевые слова: философия истории, аналитическая философия, исторический опыт, нарратив.

Аналитическая философия представляется одним из наиболее влиятельных направлений философской мысли двадцатого века, в рамках которого сформировалась особая стратегия анализа рассматриваемых явлений, укорененная в математической логике. Наследие логического позитивизма, теоретических исканий Г. Фреге, Дж. Мура, Б. Рассела, Л. Витгенштейна заложило фундамент дальнейшего развития в англо-американской традиции линии лингвистического анализа как основы философского исследования. Вместе с тем аналитическая философия зачастую не рассматривается в качестве единой школы с общими концептуальными установками, но скорее определяется исследователями как особый стиль [4, с. 5], методика (совокупность методов, обладающих фамильным сходством) философского анализа [12, с. 4] или даже как философская самоидентификация [7, с. 4–5]. В качестве отличительных особенностей такого стиля выделяется логическая строгость, стремление к формализации, точность используемой терминологии. Подобная направленность была заложена в ранний период развития аналитической традиции, в который она ориентировалась, в первую очередь, на естественные науки и математику, усматривая основную задачу философии в прояснении посредством логического анализа языка и понятий науки [6, с. 11–12]. Конечной целью при этом могло ставиться построение логически строгого, свободного от противоречий и неоднозначности языка. К середине двадцатого века апробированная на точных науках методика философского анализа усилиями отдельных теоретиков расширяет свое поле применения и на гуманитарное знание. Большое значение в этом движении имела работа позднего периода творчества Л. Витгенштейна, ориентированная на исследование способов функционирования обыденного языка. Такого рода расширение

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого» № 20-011-00406.

границ аналитического метода, с одной стороны, способствовало размыванию ранней сциентистской платформы, и в то же время требовало раскрытия этого направления, большего внимания к достижениям других школ философской мысли, что заметно скажется на дальнейшем развитии аналитической философии [3, с. 152–153].

Влияние, оказанное лингвистической философией, на развитие гуманитарных дисциплин оказалось настолько существенным, что последствия лингвистического поворота уже не могли не учитываться в работе представителей других философских традиций. Это особенно заметно на примере философии истории, где лингвистический анализ языка историков, исследование способов выражения знания о прошлом, стратегий объяснения становится центральным местом эпистемологических дискуссий. Вместе с тем и сама аналитическая философия, входя в сферу уже давно разрабатываемой проблемной области, не могла не испытать на себе воздействие сложившихся к тому времени и развивавшихся параллельно подходов к рассмотрению специфики познания прошлого. В числе подобных влияний просматриваются не только англо-американские прагматистские доктрины и построения, вдохновленные работой Р.Дж. Коллингвуда, но и исходящие из европейской континентальной традиции идеи герменевтики, структурализма, постструктурализма [5, с. 190–191].

Одним из основоположников применения аналитического подхода к исследованию специфики исторического познания выступил Артур Данто. Достоинство аналитического философского метода им усматривается именно в сущности процедуры анализа – возможности разложения исследуемой проблемы в поисках ее решения на составные части, что позволяет устанавливать связи между элементами [2, с. 120]. Этот подход, основывающийся на приведении сложного к простому, на прояснении значения дефиниций через разбор их возможных способов использования, полагается естественным проявлением рационального мышления и возводится по линии развития традиционной философии к сократическим диалогам Платона [11, с. 73]. Приведенная к своему фундаменту аналитическая философия по определению оказывается исследованием структуры выражения знания, анализом возможных способов применения понятий, ввиду чего на первый план неизбежно выходит лингвистический аспект познания и язык как средство освоения, понимания и объяснения явлений окружающей действительности. В соответствии с чем применение аналитического подхода к исторической проблематике оборачивается построением нарративистской доктрины философии истории, в рамках которой центральное место отведено исследованию вопроса о том, как повествование структурирует доступную историку информацию о прошлом. Такой ракурс рассмотрения позволяет А. Данто сосредоточить усилия на прояснении логической структуры повествовательного высказывания, исследовании коннотаций временных форм, выявлении потенциала нарративного объяснения событийного ряда исторического становления.

Основанный на лингвистическом анализе, развиваемый А. Данто подход к философскому творчеству требует четкой артикуляции собственной интерпретации специфики взаимосвязи между явлениями действительности как предметом познания и языком как средством осуществления познания. В предложенной эпистемологической концепции успешное познание рассматривается как результат приложения доступных для понимания высказываний или иных семантических средств к явлениям действительности, которые, как это может быть испытано на опыте (*experience it*), при соответствующих условиях наделяют эти средства семантическим значением [9, с. 203]. В этом отношении сохраняется представление о референциальной связи между языком и действительностью. Вместе с тем уже сам референциальный характер этой связи выявляет некоторое пространство, зазор между языковыми средствами выражения и теми явлениями реальности, для которых посредством них должны быть найдены описания и

объяснения. Важно отметить при этом тот факт, что язык сам по себе, – как явление – рассматривается частью действительности, и как естественный процесс он может быть доступен для научного анализа лингвистикой [там же, с. 232]. Разрыв между миром и языком выявляется только в контексте философии, только как средство познания язык отделяется от прочих явлений действительности, более того, именно этот зазор формирует пространство, в котором осуществляется познание. Через соотношение языка и опытного восприятия действительности, таким образом, выявляют себя познавательные средства, которыми обладает человек. Это оказывается возможным, поскольку восприятие (experiencing) мира, каковым язык связывается с окружающей действительностью, радикально отлично от мира как воспринимаемого явления [там же, с. 208]. Восприятие является не прямым отражением действительности, но результатом сложной работы познавательных ресурсов сознания, которые получают свое выражение через языковые средства. Как философия, с точки зрения логического позитивизма, не является научной дисциплиной, но призвана помогать научному знанию, проясняя используемые им средства выражения, так и язык как средство познания, в понимании А. Данто, осуществляет связь между человеком и предметом познания, представляя каузальные связи явлений действительности в доступных для объяснения и понимания формулировках семантических конструкций. Философия же, по мнению представителя аналитической философии, должна заниматься исследованием семантических возможностей, при помощи которых устанавливается связь между языком и реальностью и которые позволяют языку формулировать истинные высказывания о ней [10, с. 310].

Явления действительности наделяют слова значением, язык же в свою очередь позволяет понять и объяснить действительность, придавая воспринимаемым явлениям реальности смысл. Познание, как это формулирует американский философ, логически определяется зазором между языком и миром, без которого у нас остались бы только слова, без возможности их приложить к чему-либо, и предметы реальности, которые ничего не могут нам сказать – пустые и темные [9, с. 231]. В свете такого тесного переплетения языка и мира два взгляда на язык – как часть мира с точки зрения лингвистики и как отделенные от него средства познания с точки зрения эпистемологии – не противоречат, но скорее взаимно дополняют друг друга [там же, с. 236–237]. В зависимости от изменения способа рассмотрения, целей и средств анализа одно и то же явление, в этом отношении, проявляет различные свойства, а абсолютно полное понимание этого явления может быть достигнуто только путем раскрытия всех возможных его свойств без исключения. Такой подход и такого рода аналитические установки, характерные для философского стиля А. Данто, проявляют себя, в том числе, и при обращении к проблемной области философии истории.

Приверженность референциальному взгляду на соотношение языка и действительности позволяет охарактеризовать направленность философских размышлений американского философа как в основе своей реалистическую [1, с. 146]. Применительно к познанию прошлого это приводит к фундаментально важному утверждению о том, что истинные высказывания о произошедших событиях возможны, и задача историка заключается в том, чтобы такие высказывания формулировать [10, с. 26]. Истинность этих пропозиций определяется их связью с событием. Так, например, невозможно знать, что историки будущего скажут о нашем времени, постольку поскольку, зная их истинные высказывания о нашем времени, мы могли бы изменить ход событий и, соответственно, сделать их описания нашего времени неистинным [там же, с. 180]. Этот пример может рассматриваться в качестве иллюстрации тезиса о том, что явления действительности наделяют слова значением в контексте анализа специфики исторического познания. Другой аспект этого тезиса – высказывание о том, что слова наделяют явления действительности смыслом, – также приобретает большое значение в рамках

развиваемой А. Данто эпистемологии истории. Понимание события прошлого в его изложении может быть осуществлено только исторически. Чтобы понять и объяснить прошлое, его нужно осмыслить с исторической точки зрения.

Ставя в центр рассмотрения анализ исторического способа мысли и языка истории как познавательной дисциплины, свое исследование по философии истории американский философ позиционирует дескриптивной метафизикой истории [там же, с. xv]. Такой ракурс предполагает исследование специфики исторического способа познания, оставляя за скобками сущность процесса исторического становления, эта тематика относится к сфере интересов профессиональных историков. Метафизика истории в данном случае – это метафизика исторического способа мыслить. Метафизические субстанциальные доктрины осмысления развития общества подвергаются резкой критике со стороны А. Данто, что в целом соответствует общему настрою и аргументации аналитической философии истории [5, с. 193]. Основная претензия к традиции спекулятивной метафизики исторического становления заключается в отрицании возможности целостного взгляда, который мог бы в себе объединить общее для прошлого, настоящего и будущего объяснение событийной канвы истории. Смысл истории, спекулятивное обоснование которого позволяет сформулировать единую и универсальную структуру объяснительной модели для любого исторически значимого события, вне зависимости от его локализации на линии прошлого, настоящего и будущего, в соответствии с субстанциальным подходом может быть выведен только из целого истории. А. Данто, в противоположность этому, принципиально подчеркивает, что историк всегда имеет дело только с фрагментом истории, который в самом лучшем случае представляет собой все доступное для познания в данный конкретный момент времени прошлое. Эпистемологический инструментарий, доступный историку, ни при каких обстоятельствах не может быть применен к будущему. Субстанциальная философия истории как бы пытается на основе известного фрагмента прошлого понять, какой должна быть структура целостной истории, благодаря чему выводится смысл исторического становления, в свете которого должен быть понят известный фрагмент прошлого [10, с. 8–9]. Суть этой ключевой ошибки спекулятивной модели может быть сформулирована как попытка дать описание событий в той форме, в которой они не могут быть описаны в момент времени, когда они описываются [10, с. 14]. Вместе с тем, отрицая возможность спекулятивного охвата целостности процесса общественного развития, американский философ развивает стратегию исторического познания, в рамках которой исследователь, так же как и философ истории, придерживающийся субстанциальной модели, пытается раскрыть смысл произошедших событий [5, с. 192], но делает это, обращаясь исключительно к прошлому. В более поздний период своего творчества А. Данто несколько пересмотрит свои позиции в отношении спекулятивной философии, утверждая в духе гегелианской историософии на примере истории искусства возможность полного раскрытия исторически развивающегося явления и, соответственно, окончательного его понимания [8, с. 13–14].

Между тем критика спекулятивной философии истории занимает важное место в построениях А. Данто в силу того, что через нее концентрируется внимание на осмыслении значения временной организации исторического становления. Стремление субстанциальных моделей исторического объяснения к охвату целостности процесса общественного развития, включая и будущее, оказывается ключевым аргументом в обосновании их несостоятельности именно потому, что взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим является сущностно значимым аспектом истории как формы знания. Главную особенность, которая отличает исторический способ познания от любого другого, американский философ усматривает в том, что оно организовано исторически, то есть рассматривает своей предмет ретроспективно, глядя из ситуации

настоящего в прошлое. Историк объясняет событие, связывая его с другими событиями, которые могут быть будущим по отношению к объясняемому событию, но всегда остаются прошлым по отношению к историку. Познание прошлого организовано контекстуально, его объяснительные модели предполагают формирование событийных рядов, в которых одно событие объясняется тем, что ему отводится некое место в целостности взаимоувязанных событий. Но чтобы это было возможно историку, зачастую необходимо знать последствия интересующих событий, т. е. то, что дает понимание одного события, оказывается будущим по отношению к нему, и чтобы историк мог использовать такие объяснения, он должен иметь возможность охватить весь контекст некоторого фрагмента прошлого. Нередко историческое объяснение наделяет событие прошлого смыслом, который, в принципе, ни при каких условиях не мог бы быть понят в момент его наступления. Так, например, в 1618 г. никто не мог бы понять, что началась Тридцатилетняя война [10, с. 152]. В этом отношении исторический способ объяснения, действительно, применим только к прошлому.

Развиваемый с этих позиций философский взгляд на историю как познавательную дисциплину позволяет выделить ее в ряду других наук на основе применяемого метода. Анализируя сравнение исторического познания с естественными науками, А. Данто выражает позицию, согласно которой между ними нет различия в характере получаемого знания. Отличие видится не в том, что естествознание более точно, а познание прошлого вероятно, и не в том, что история более субъективна и использует спекулятивные теоретико-методологические конструкты [1, с. 148]. Естествознание также применяет теоретические схемы объяснения и также получает в итоге вероятностное знание. Сущностное отличие усматривается в том, что история, применяя доступные ей эпистемологические средства, формирует повествовательные объяснения произошедшего в прошлом.

В рамках теории исторического познания А. Данто отсутствие прямого доступа к исследуемым историком явлениям, невозможность наблюдать интересующие события непосредственно рассматривается не в качестве недостатка исторической дисциплины, но видится основополагающей особенностью, отличающей исторический способ познания. Промежуток времени, отделяющий исследователя от предмета познания, предстает ракурсом видения, полем зрения, которым можно охватить не только отдельно взятое событие, но и вызванные им последствия, чем формируется контекст исторического становления. Как и в случае анализа взаимосвязи языка и действительности, именно разрыв между исследователем и предметом исследования формирует пространство, в котором реализуется познание. В этом пункте своей доктрины американский философ достаточно тесно сближается с одним из ключевых тезисов исторической герменевтики Х.-Г. Гадамера, которым также обосновывается позитивный потенциал временной дистанции, отделяющей историка от прошлого. Герменевтический подход рассматривает временное расстояние между исследователем и предметом познания в качестве традиции осмысления, в свете которой этот предмет приобретает различные интерпретации, наделяется различными смыслами, что дает возможность исследователю увидеть его с нескольких точек зрения и, тем самым, лучше понять. Течение времени, таким образом, расценивается в качестве самой сути исторической дисциплины. Только некоторое развитие в изучении какой-либо проблемы позволяет достичь обоснованного ее понимания, и чем богаче традиция исследования того или иного вопроса, тем глубже может быть его осмысление. Историческое знание в основе своей работает исторически.

А. Данто подчеркивает, что историческим способом может быть исследовано только прошлое, современник не может исторически анализировать наблюдаемые им события. У историка, исследующего события прошлого, есть то преимущество,

которым ни при каких условиях не может обладать очевидец, даже если этот очевидец окажется идеальным хронистом, способным в точности фиксировать все, что происходит в его времени, историк видит события во временной перспективе. Историк обладает знанием, которым не может обладать ни один, самый осведомленный очевидец событий, знанием о последствиях этих событий. Именно в этом американский теоретик усматривает отличие хроники от истории. Возражая Б. Кроче, который противопоставлял истории хронике как механическую фиксацию событий, не вызывающих интерес с точки зрения современности, А. Данто различает хронике и историю по методу их работы. Хронист записывает то, что происходит в его настоящем, историк анализирует прошлое. Недоступная для решения проблема хроники заключается в том, что для нее нужно отобрать наиболее значимые, наиболее важные события своего времени, но сделать это без знания будущего практически невозможно. Чтобы понять смысл события, нужно знать, к чему оно приведет [10, с. 158–159]. Это доступно только историку. В этом отношении именно эпистемологическая недоступность прошлого, невозможность стать очевидцем интересующих событий закладывает основу формы познания, которая реализуется историческим исследованием.

Такая направленность рассуждений американского философа вовлекает в контекст его исследования философскую категорию опыта, выявляя своеобразие исторического способа восприятия и понимания и актуализируя тем самым вопрос о специфике исторического опыта. Опыт восприятия события в настоящем времени некоторым образом отличается от опыта историка, изучающего то же самое событие в прошлом. Для того чтобы наблюдать событие глазами очевидца, видеть его так, «как оно происходило на самом деле», историку нужно забыть свои знания о нем, включая и те знания, которые, возможно, мотивировали его обратиться к изучению этого вопроса [там же, с. 159]. Вместе с тем и восприятие настоящего включает в себя исторический аспект. Темпоральный характер свойственен любому опыту, восприятие настоящего основывается на знании прошлого, которое, не являясь предметом актуального опыта, тем не менее, задает контекст понимания настоящего [там же, с. 92–93]. Чтобы понять наблюдаемое в настоящем событие, его нужно связать с тем, что уже известно из прошлого, вписать в некоторый событийный ряд. Воспринимаемое в настоящем может стать частью опыта, только если его можно увязать с тем, что уже стало частью опыта в прошлом. Установление такой взаимосвязи между прошлым опытом и настоящим требует определенной структуры выражения, языковых средств, посредством которых формируется понимание. Опыт настоящего становится понятным, если его увязать с прошлым, то есть тем, что может быть актуализировано только через повествование о нем. Настоящее, с этой точки зрения, должно быть вписано в историю. Лингвистические средства позволяют установить семантические связи между прошлым и настоящим, формируя единый временной ряд, в котором настоящее становится частью уже свершившихся в прошлом событий. Осмысление опыта восприятия осуществляется посредством нарративных структур, которые дают возможность выявлять и устанавливать связи между явлениями.

Схожим характером обладает историческое познание, в рамках которого тоже требуется описать временной ряд событий при помощи устанавливаемых между ними семантических связей. Принципиальное отличие заключается только в том, что в историческом исследовании каждое анализируемое событие является частью недоступного для непосредственного восприятия прошлого. Возможность связать событие, которое очевидец воспринимал непосредственно в настоящем, в единый временной ряд с событиями, которые по отношению к этому наблюдателю были бы будущими, формирует действенный эпистемологический ресурс для объяснения прошлого. Но реализован этот потенциал может быть только посредством лингвистического выражения.

События, которые нужно объяснить, и события, связью с которыми они объясняются, предстают частями единого повествования [13, с. 15]. Именно нарратив оказывается инструментом, позволяющим актуализировать и исследовать события, к которым возможен только опосредованный свидетельствами доступ.

Важной составляющей представленной с этой точки зрения концепции исторического познания оказывается тот факт, что исследование прошлого, реализуясь в конкретно заданных условиях места и времени, само по себе исторически фундировано. Доступные историку методологические и методические возможности ограничены современным ему уровнем исторической науки, а неустранимые мировоззренческие установки и ценностные ориентиры, с которыми он подходит к написанию повествования о прошлом, глубоко индивидуальны и субъективны. Сам опыт исторической работы формируется также исторически. Исследование прошлого, важнейшей частью которого видится способ отбора событий, представляющих историческую значимость, и увязывание их в целостный нарратив в основе своей определяется жизненным и профессиональным опытом исследователя. В этом проявляется специфика исторического опыта как опыта взаимодействия с событиями прошлого и попытки найти способ их объяснения. Историк не может объяснять исследуемые события, связывая их с тем, что ему не известно или еще не известно. Но появление новых знаний, открытие ранее не известных фактов прошлого или просто движение в будущее, т. е. естественное удлинение прошлого, приводит к формированию новых нарративов, новых способов описания даже ранее хорошо известных событий. Исторический способ познания по сути своей предполагает неизбежность переосмысления, складывания новых пониманий случившегося под влиянием новых знаний или в качестве проявления индивидуальных личностных особенностей исследователя. Своеобразие и сущность исторического опыта характеризуется тем, что новый опыт, приобретаемый в настоящем, приводит к изменению представления о том, что принадлежит к прошлому, и само по себе измениться уже не может.

Одним из основных тезисов, на которых строится аналитическая теория истории А. Данто, является утверждение о том, что решение главной задачи историка, то есть формирование истинных высказываний о событиях прошлого, требует знаний о том, что случится в будущем по отношению к этим событиям – понимание прошлого ограничено незнанием будущего [10, с. 115]. Из этих рассуждений логично вытекает вывод, согласно которому написанное историком повествование о прошлом не просто выражает некие объяснительные модели, но сам исторический нарратив является инструментом объяснения описываемых событий. Рассказ о том, что произошло, представляется единственно возможным способом восприятия событий, которые, принадлежа прошлему, не могут стать частью опыта, непосредственно переживаемого в настоящем. В целостности исторического повествования невозможно отделить структурные элементы, выполняющие функции описания, от структурных элементов, призванных дать описываемому явлению объяснение. Достоверное описание произошедшего уже есть его объяснение. Отобранные для исторического нарратива события, характер и стиль аргументации, используемые выразительные средства и риторические приемы в конечном итоге и формируют понимание исследуемого фрагмента прошлого. Постигание прошлого не может быть реализовано иными, ненарративными способами [1, с. 145]. Такой тип высказываний, которые одновременно дают описание и через него объяснение рассматриваемого явления, американский философ обозначает понятием «нарративное предложение». Именно логический анализ строения таких пропозиций выявляет эпистемологический потенциал истории как познавательной дисциплины. Нарративные предложения позволяют связывать события между собой как причины и следствия, формируя тем самым темпоральные структуры, в рамках которых

реализуется понимание прошлого. Целостность нарратива, сложенного из таких предложений, представляет некий фрагмент прошлого как взаимосвязанную цепь событий, посредством чего они могут быть объяснены. Наряду с чем следует отметить, что такой ракурс рассмотрения исторического повествования предполагает глубокую индивидуальность каждого исторического сочинения, поскольку устанавливаемые между событиями связи рождаются исключительно в рамках исторического нарратива литературными средствами выражения.

Предложенный А. Данто подход к пониманию специфики исторического способа познания отличают две существенные особенности. Первая особенность заключается в подчеркнутой неполноте и открытости к возможному пересмотру нарративного объяснения прошлого. Американский философ настаивает, что познание прошлого не может быть абсолютно полным и окончательным в силу того, что абсолютно полное описание прошлого с необходимостью предполагает абсолютно полное и достоверное описание будущего [10, с. 142]. Значение случившихся событий проявляет себя в контексте будущего развития, пока будущее открыто к изменениям, смысл случившегося в прошлом может измениться. Историческое познание отличается некоторой неопределенностью и вероятностным характером, исследователи должны быть готовы к переоценке случившегося в прошлом. Другая особенность связана с тем, что структура нарратива как средства выражения не позволяет в точности воспроизвести структуру явлений действительности, повествование не является точным «слепок» реальности [1, с. 146]. Зазор, существующий между языком и миром, которым создается пространство реализации познания, не позволяет достичь полного соответствия между ними. Применительно к историческому познанию это положение осложняется тем, что исследуемая действительность доступна к восприятию только через посредство сохранившихся свидетельств. Часто историк применяет находящийся в его распоряжении инструментарий нарративного объяснения к событиям, которые он узнает через сохранившиеся о них повествования. В этой связи отмечается неустранимость определенных онтологических допущений из повествования о прошлом [5, с. 199]. В свете этих обстоятельств проявляется некоторого рода свобода исторического способа познания, который в немалой степени зависит от воображения, опыта, профессиональных навыков, личностных качеств исследователя. В числе прочего, и сам предмет исследования исторического сочинения предстает в том виде, в котором он описывается историком. Можно сказать, что нарратив не просто представляет или объясняет исследуемое событие, но сначала конструирует его, предлагая строго конкретное, индивидуальное описание, и через это описание объясняет его [13, с. 17]. В этом отношении сочинение по истории оказывается выражением индивидуального исторического опыта исследователя.

Логическим выводом из предложенного исследования особенностей функционирования исторического нарратива оказывается признание принципиальной вариативности познания прошлого. Эпистемологическая доктрина американского философа предполагает невозможность априори установить лимит на количество нарративных предложений, каждое из которых истинно описывало бы одно и то же событие [10, с. 167]. Один и тот же предмет исторического исследования может быть включен в различные структуры объяснения, рассмотрен с различных позиций, по-разному оценен различными специалистами. Нарративные предложения допускают возможность включения одного события в различные временные ряды, фактом чего формируется множество индивидуальных описаний прошлого. Вариативность исторического типа познания проявляет себя и в отношении возможных стратегий аргументации, обоснования предлагаемых в исследовании выводов о значении событий прошлого, примером чего выступает проводимая А. Данто критика предложенной К. Гемпелем

объяснительной модели охватывающих законов. По мнению американского философа, применяемые исследователем методики и средства объяснения зависят не столько от характера анализируемого явления, сколько от стиля его описания. Существуют описания, которые включают в себя объяснение через охватывающие законы, и описания, которые не предполагают возможности их применения, но даже если изложение некоторого явления изначально не предполагает применимости охватывающих законов, его всегда можно заменить таким, которое требует закона, и наоборот [10, с. 218]. Логика и структура нарративного изложения материала допускают использование любых объяснительных средств, вовлекая их в целостность повествования. Методология, на которой историк основывает свое исследование, равно как и методический инструментарий его работы, таким образом, оказываются интегральными элементами выразительных средств исторического нарратива.

Развиваемая А. Данто нарративистская доктрина эпистемологии истории отталкивается от анализа взаимосвязи между опытом восприятия явлений действительности и языковыми средствами выражения знания. В контексте такого ракурса рассмотрения формируется представление о своеобразии исторического опыта как особом типе взаимодействия с прошлым из ситуации настоящего. Познание прошлого коренится в исторически сложившейся ситуации конкретного времени, неся на себе отпечаток индивидуальных личностных особенностей историка. Изменение точки зрения, с которой обзревается прошлое, неизбежно приводит к изменению взгляда на нее, что влечет за собой переоценку сложившихся моделей объяснения и понимания, складыванию новых интерпретаций и осмыслений прошлого. Специфика исторического опыта заключается в естественном его обновлении, заключающемся в постоянном изменении взглядов на явления, которые, оставаясь в прошлом, сами по себе уже претерпеть каких-либо изменений не могут. Научно обоснованное повествование о прошлом, оказываясь при таком подходе выражением исторического опыта – опыта восприятия явлений прошлого – представляет тип познания, который отличается многогранностью, незавершенностью, открытостью к дискуссиям и будущим пересмотрам. Эпистемологический потенциал нарративного изложения, наделяя познание прошлого инструментарием исследования событий, непосредственное восприятие которых невозможно, придает, таким образом, истории как познавательной дисциплине особую направленность, отличающую ее от других отраслей науки.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2018. № 2. С. 144–156.
2. Боррадори Дж. Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Ноозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999. 208 с.
3. Васильев В.В. Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 1. С. 144–158.
4. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. 582 с.
5. Губман Б.Л. Аналитическая и спекулятивная философия истории: от конфронтации к идее сосуществования // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2019. № 1. С. 190–207.
6. Никифоров А.Л. Является ли «аналитическая философия» философией? // Философские науки. 2020. № 63 (8). С. 7–21.

7. Bronzo S. On the Idea and Ideology of Analytic Philosophy [Electronic resource]. URL: <http://ssilverbronzo.wordpress.com/research/> (accessed: 18.05.2022).
8. Carrier D. Danto and His Critics: After the End of Art and Art History [Electronic resource]. URL: <https://kirkbrideplan.files.wordpress.com/2012/07/danto-and-his-critics-after-the-end-of-art.pdf> (accessed 29.05.2022).
9. Danto A.C. Analytical Philosophy of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press. 1968. 296 p.
10. Danto A.C. Narration and Knowledge. New York: Columbia University Press, 1985. 399 p.
11. Danto A.C. Remarks on Art and Philosophy. New York: Acadia Summer Arts Program. 2014. 147 p.
12. Martinich A.P., Sosa D. A Companion to Analytic Philosophy. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. 497 p.
13. Roth P.A. Analytic Philosophy of History: Origins, Eclipse, and Revival // Graduate Faculty Philosophy Journal, 2016. Vol. 37, № 2. 24 p.

INTERPRETATION OF HISTORICAL EXPERIENCE IN THE CONTEXT OF A. DANTO'S ANALYTICAL PHILOSOPHY OF HISTORY

A.A. Avanesyan

The Rlit of the FPS of Russia, Tver

The article examines the specifics of the analytical theory of A. Danto's philosophy of history. The characteristic features that distinguish the proposed narrative model of historical knowledge are analyzed. Particular attention is paid to the American philosopher's approach to considering the relationship between the experience of perceiving the phenomena of reality and language as a means of implementing cognition. The conclusion emphasizes the influence of this theory on the development of the idea of historical experience as a special way of comprehending the past, in the light of which the originality of historical knowledge is manifested.

***Keywords:** philosophy of history, analytic philosophy, historical experience, narrative.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артём Александрович – кандидат философских наук, главный научный сотрудник ЦИО ФКУ НИИИТ ФСИН России, г. Тверь, Россия. E-mail: artemavanesian@yahoo.com

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD, head research fellow of CIS of The Rlit of the FPS of Russia, Tver, Russia. E-mail: artemavanesian@yahoo.com